большую роль играют бытовые детали, которые усиливают повествовательность рассказа.

17-е клеймо объединило два разновременных события. С одной стороны — приезд великого князя Василия III, отмеченный в летописи под 1526 г.,[48] и посещение Иваном IV Тихвинского монастыря (1547 г.).[49] Эти два эпизода разделяют 21 год. Приезд Василия III подробно описан, и даже названы лица, его сопровождавшие: «При приезде в Тихвин с Васильем III был боярин его и князь Иван Васильевич Немой, да дворецкий князь Иван Иванович Кубенский и иные княжата двора его».[50] Однако вместо всей этой свиты на иконе изображен молодой царь Иоанн и преподобные отцы Кирилл Новоезерский, Мартирий Зеленецкий и Макарий Унжинский, окруженные толпой, богато убранной в парчу и дорогие одежды. Фигура царя Иоанна почти сливается со стоящей сзади него группой людей, и только маленькая корона на голове указывает на особый сан. Василий III в центре клейма. Это перед ним отодвигают занавеску, которой закрыто изображение Тихвинской богоматери, переданной в виде триптиха с архангелами на створках по бокам. Все клеймо заполнено людьми и зданиями, и в этой нагроможденности теряется торжественность момента, уступая жизненной суете, которую ощущаешь повсюду в клеймах иконы. Около Василия III припавший на колени Мартирий Зеленецкий,[51] а рядом Кирилл Новоезерский, которому в некоторых сказаниях о тихвинской иконе уделяется большое внимание и рассказываются подробности его жизни.[52] Следует отметить, что помещение в иконе Кирилла Новоезерского могло произойти только после 1650 г. — даты официальной канонизации святого.[53] Как Мартирий Зеленецкий, он вошел в «Сказание» при его последней обработке в середине XVII столетия.

Предыстория явления иконы на Русь рассказана в клейме 18. Этот сюжет получил особое развитие в сказаниях XVII в. и своеобразное толкование в иконе 1680 г. В общей структуре сказаний этот эпизод не имеет определенного места, поэтому он иногда помещается то после событий 1395 г.,[54] то (чаще всего) перед главами, прославляющими создание Тихвинского монастыря (1560 г.),[55] а в некоторых случаях совсем отсутствует.[56] Включение в «Сказание» усложненного многими событиями рассказа становится обязательным со второй половины XVII в. В нем переплетается несколько легенд о чтимых иконах: частично эпизоды из сказаний о Константинопольской иконе (сцены с человеком, спасающим икону Богоматери в храме Пантократора),[57] а также сказание об иконе Лиддской «Римляныне», откуда вошли сцены с патриархом Германом.[58] В ранних сказаниях XVI в. этот эпизод отсутствует. Он также не изображен на иконах XVI в. Его включение в сказания относится к XVII в., когда легендарные повествования об иконах уже потеряли логическую ясность

[48] ПСРЛ, т. III, стр 148.
[49] Там же, под 1547 г., стр. 151.
[50] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 256
[51] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 346.
[52] ГИМ, собр. Уварова, № 373 (1258), гл. 16.
[53] Г. Краснянский.
[54] ГБЛ, ф. 310, № 592
[55] Большинство сказаний второй половины XVII в. (см., напр.: ГБЛ, собр. Румянцева, № 392; ф. 37, № 69 и др.).
[56] ГИМ, собр. Барсова, № 904 (Повесть о явлении иконы Тихвинской богоматери 1688 года).
[57] ГИМ, собр. Уварова, № 373 (1258), гл. 19—21.
[58] С. Ю. Кулаковский. Состав Сказаний о чудесах иконы Богоматери Римляныни. В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского, стр. 470—475.